

Дни шли один за другим, и Шэнцзин становился все ближе. Тан Шэнь сидел в каюте, выводя кистью иероглифы. Он писал крупным уставом кайшу, раз за разом выводя слово «замысел». Яо Сань не знал грамоты. Каждый раз, когда Тан Шэнь исписывал пятьдесят листов словом «замысел», он принимался за следующие пятьдесят со словом «покой», а затем велел Яо Саню выбросить их в реку или сжечь.

— Молодой хозяин, а что вы пишете?

— Я пишу о том, как разрываюсь от нерешительности!

«Замысел» — это путь чиновника, дорога, по которой ему суждено пойти в будущем.

«Покой» — его нынешнее, последнее мирное прибежище.

С того самого момента, как Тан Шэнь решил отправиться на север, в Шэнцзин, чтобы стать учеником Фу Сижу, он знал, что пути назад нет.

Он не стал поступать так, как советовала Тан Хуан, — сдавать экзамен на звание цзюйжэня и лишь затем просить о покровительстве. И пусть Лян Сун изначально планировал именно это, Тан Шэнь уже сейчас твердо решил раз и навсегда оборвать все связи с Лян Суном!

Тан Шэнь прекрасно понимал, какой страх и омерзение вызывали у нынешнего императора сторонники Фракции Сунцин. Разве из милосердия и великодушия государь продержал Чжун Тайшэна в темнице двадцать шесть лет, прежде чем тайно казнить? Вовсе нет! Он просто знал, что Чжун Тайшэн не может умереть без видимой причины. Даже если император желал его смерти, казнь должна была выглядеть законной и безупречной. Иначе вся пишущая братия Поднебесной обрушила бы на него свои карающие кисти.

Лян Сун был сослан в управу Гусу, а Ученого Ло до конца дней лишили надежды на высокое покровительство.

С тех пор как нынешний император взшел на престол, ни один сторонник Фракции Сунцин не вошел в состав Трех канцелярий. Это был смертный приговор, который сунский император Чжао Фу вынес Фракции Сунцин!

Если Тан Шэнь хотел войти в чиновничью среду, хотел стать чиновником, влиятельным и важным мужем при дворе, ему с самого начала следовало оборвать любые связи с Фракцией Сунцин. Пока он оставался всего лишь сюцаем, все было просто: Лян Сун служил главой управы Гусу, и даже если Тан Шэнь признавал его своим учителем, того можно было назвать лишь первым наставником — их отношения не казались столь близкими.

Но стоило ему сдать экзамен на цзюйжэня, как имя Лян Суна в качестве официального покровителя Тан Шэня неизбежно вызвало бы подозрения у Чжао Фу.

Тан Шэнь не смел испытывать судьбу и гадать, насколько подозрителен и недоверчив император Чжао Фу. Именно поэтому он должен был стать учеником Фу Сижу еще до того, как получит звание цзюйжэня. И лишь когда он докопается до истины и сможет собственноручно переписать историю этих верных подданных, доказавших смертью свою преданность, он скажет всему миру и самому Лян Суну: «Ваш ученик справился».

Таков был его тайный помысел, о котором он никому не рассказывал.

Стоило пассажирскому судну причалить к пристани Шэнцзина, как до ушей Тан Шэня, еще не

успевшего выйти из каюты, донесся шумный гул голосов, грохот повозок и топот копыт. Яо Сань взвалил на спину три сундука и вместе с Тан Шэнем покинул каюту. Выйдя наружу, Яо Сань замер на месте от увиденного великолепия и лишь спустя долгое время изумленно выдохнул:

— Э-это... это и есть Шэнцзин?

Даже Тан Шэнь, повидавший в прошлой жизни современные мегаполисы, на мгновение опешил и лишь затем кивнул:

— Да, это Шэнцзин!

В небесах белеет яшмовый град, пять округов его да двенадцать теремов.

Шумят повозки, голоса людей сливаются в гул, теснятся павильоны и дворцы.

Сойдя с корабля, Яо Сань нанял повозку, запряженную ослом, и они покатали к ближайшей бирже маклеров.

Дороги Шэнцзина были невероятно широкими: на пути от пристани к городским кварталам могли свободно разъехаться восемь повозок! Хотя на дворе стоял третий месяц и весна в Шэнцзине еще полностью не вступила в свои права, улицы были полны прохожих, а выкрики уличных торговцев не смолкали ни на миг. Двухэтажные лавки, трехэтажные терема... Отодвинув занавеску повозки, Яо Сань заметил величественное четырехэтажное здание и изумленно охнул.

Возница с улыбкой обернулся к ним:

— Судя поговору, господа не из здешних краев? С юга пожаловали?

— Мы из управы Гусу, — ответил Яо Сань. — Что это за место такое? Аж четыре этажа!

Кучер с гордостью пояснил:

— Это самый большой трактир в нашем Шэнцзине, зовется Теремом Цяньли.

Тан Шэнь подумал: «Терем Цяньли? Не от тех ли строк пошло название: "Желая взглянуть в даль на тысячу ли, поднимемся на этаж выше"?»

— А ведь вы правы! — подхватил возница. — Сразу видно, молодой господин — человек ученый.

Извозчик доставил их к бирже маклеров. Хотя жизнь в Шэнцзине была дорогой, Тан Шэнь не испытывал нужды в средствах. С деньгами дела делались быстро. Не зная прежней нужды, какая была у него по приезде в управу Гусу, Тан Шэнь попросил маклера подыскать просторный двор в хорошем районе и снял его за пять лянов серебра в месяц.

Яо Сань от такого расточительства даже расстроился:

— Что же это за усадьба такая, что за нее просят целых пять лянов!

Тан Шэнь немного подумал и предложил:

— Брат Яо, а может, нам просто купить дом?

Яо Сань округлил глаза от удивления:

— Молодой хозяин, маклер же ясно сказал: чтобы выкупить этот двор, понадобится не меньше четырехсот лянов серебра!

Тан Шэнь призадумался:

— И то верно. Если на дворцовом экзамене я войду в Третью группу выпускников, мне пожалуют казенную усадьбу. Так что спешить с покупкой не стоит.

Яо Сань:

— ...

Ему все казалось, что он не совсем понимает речи молодого хозяина.

Хотя нет, молодой хозяин непременно войдет в Третью группу выпускников!

...Наверное.

Яо Сань принялся хлопотать по хозяйству: тщательно прибрал двор, а затем сходил на рынок за вещами первой необходимости.

Вечером того же дня Тан Шэнь привел себя в порядок и, взяв свою визитную карточку и рекомендательное письмо Лян Суна, отправился к Поместью Фу. Имя Фу Сижун в Шэнцзине гремело повсюду, поэтому, расспросив прохожих, Тан Шэнь без труда отыскал дорогу к Поместью Фу. Однако заходить сразу он не стал, а лишь передал слугам свою карточку вместе с письмом Лян Суна.

— Я, Тан Шэнь, Цзинцзэ из управы Гусу, прибуду засвидетельствовать свое почтение господину великому ученому завтра.

Привратник принял визитную карточку, и Тан Шэнь удалился.

На следующее утро Тан Шэнь проснулся спозаранку и сразу же приготовился к выходу. Поскольку Тётушки Яо рядом не было, ему пришлось самому перевязать длинные волосы шелковой лентой, собрав их сзади в простой хвост. Достав из дорожного лака сучжоуский парчовый халат, сшитый на заказ, он взял с собой коробка с угощениями из Гусу, а также коробку с мылом, туалетным мылом и эфирным маслом. После чего Тан Шэнь вместе с Яо Санем направился к Поместью Фу.

Слуга, знавший о его приходе, распахнул двери:

— Господин Тан, прошу вас, проходите. Господин ожидает вас уже довольно давно.

Тан Шэнь слегка поклонился:

— Заставить господина ждать... Это моя оплошность, я припозднился.

Видя, что Тан Шэнь одет в дорогие парчовые одежды и держится вежливо и учтиво, словно благородный молодой господин из знатного рода, привратник проникся к нему симпатией и словоохотливо добавил:

— Не беспокойтесь, господин Тан. Наш господин привык вставать еще до часа тигра, чтобы

покормить птиц и полить цветы. Сейчас он читает в своем кабинете.

Привратник привел Тан Шэня к кабинету и постучал в дверь. Но не успел он произнести и слова, как изнутри донесся ворчливый голос:

— Ах ты негодник! Я велел тебе отыскать книгу, а ты тут отлыниваешь! Побить тебя мало!

Следом раздался обиженный юношеский голосок:

— Учитель, вы же сами только что спали! Вы спали, а я ходил за книгой. Вернулся, а вы все спите. Я читал-читал, да тоже прикорнул, а вы теперь сваливаете с больной головы на здоровую!

— Я спал, потому что устал! Я ведь каждый день поднимаюсь еще в час тигра!

— Чтобы птиц дразнить да на цветы любоваться?..

— Чего ты там под нос себе бормочешь?

— Ничего, ничего.

Слуга постучал еще раз. В комнате поднялась суматоха, послышался грохот и звон посуды. Спустя мгновение раздался старческий голос:

— Вэньшу, ступай погляди, кто там пришел.

Вскоре дверь кабинета приоткрылась, и наружу высунулся невысокий, щуплый круглолицый мальчик лет одиннадцати-двенадцати.

— Дядя Чжан, чего пришел? — спросил он. Но тут же заметил стоящего за спиной слуги Тан Шэня, округлил глаза и с грохотом захлопнул дверь, крикнув внутрь: — Учитель, беда! Тот самый Тан Шэнь, Цзинцзэ из управы Гусу пожаловал!

— Что?! Как он мог прийти так рано!

Снова послышался шум и грохот, после чего Мальчик-чтец отворил дверь.

Смирненно опустив глаза, мальчик произнес:

— Господин Тан, учитель уже давно дожидается вас внутри.

Тан Шэнь:

— ...

«Что ж, пускай будет так».

Тан Шэнь мягко улыбнулся и сказал Яо Саню:

— Подожди меня здесь.

После чего переступил порог.

Это была выходящая на юг усадьба из двух дворов. Едва войдя в кабинет, Тан Шэнь уловил тонкий аромат туши. По обе стороны от входа висело по четыре птичьих клетки. Тонкие

золотые цепочки удерживали четырех разноцветных пичуг, которые при виде Тан Шэня принялись шумно чирикать. Посреди комнаты стояла резная курильница, слева возвышалась ширма из камня с горы Тайшань, а справа тянулся огромный книжный шкаф.

Пройдя лишь полпути, Тан Шэнь услышал стрекотание сверчка. Обернувшись, на одной из полок шкафа он с удивлением приметил специальную тыкву-горлянку для сверчков!

Тан Шэнь взял себя в руки и шагнул вперед. На невысокой кушетке-лохань сидел седовласый старец. Старик украдкой разглядывал Тан Шэня, но когда тот внезапно поднял на него глаза, поспешно отвел взгляд и с деланным равнодушием спросил:

— Так это ты тот самый ученик, о котором толковал Лян Бовэнь? Тот, кто изрек: «За процветание и гибель Поднебесной отвечает каждый простой человек»?

«Надо же, учитель рассказывал обо мне Фу Сижу?» — удивился Тан Шэнь.

Затем он склонился в поклоне:

— Ваш ученик Тан Шэнь, Цзинцзэ из управы Гусу, приветствует вас, господин Фу.

<http://bllate.org/book/18292/1754485>